Унарова Любовь Дорофеевна

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ НЕГАЦИИ КАК ВЕКТОРНОЕ ПОЛЕ ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

В статье показаны в качестве социокультурных негаций проявления нигилизма и цинизма, которые пронизали повседневное бытие современного общества, приобретая при этом векторальные качества, тем самым определяя направление развития человеческого поведения. Негациям свойственно провозглашение свободы от морали, вседозволенности в действиях, что ведет к абсурду, состоянию "ничто". Негации способствуют разрушению и саморазрушению человека, активному и массовому проявлению его поведенческих отклонений. Нигилизм и цинизм при отсутствии морали - это признаки поражения человека перед самим собой.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/8-1/54.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 8 (22): в 2-х ч. Ч. I. С. 209-214. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. **Абульханова-Славская К. А.** Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 298 с.
2. **Абульханова-Славская К. А., Брушлинский А. В.** Философско-психологическая концепция С. Л. Рубинштейна. М.: Наука, 1989. 243 с.
3. **Анисимов О. С.** Стратегии и стратегическое мышление. М.: Агровестник, 1999. 605 с.
4. **Бодрийяр Ж.** Система вещей. М.: Рудомино, 2001. 224 с.
5. **Гегель Г. В. Ф.** Феноменология духа. М.: Наука, 2006. 448 с.
6. **Генисаретский О. Г.** Культурно-антропологическая перспектива // Иное: хрестоматия нового российского самосознания. М.: Аргус, 1995. С. 3-40.
7. **Делёз Ж.** Логика смысла / пер. с фр. Я. И. Свирский. М.: Академический Проект, 2011. 480 с.
8. **Деррида Ж.** Позиции / пер. с фр. В. В. Бибихин. М.: Академический Проект, 2007. 160 с.
9. **Лакан Ж.** Стадия зеркала и её роль в формировании функции Я в том виде, в каком она предстает нам в психоаналитическом опыте [Электронный ресурс]. URL: http://gzvon.pyramid.volia.ua/biblioteka/kafedra_filosofii/libps/lakan/seminar2/lacan-seminaire-2.htm#_Toc48943211 (дата обращения: 25.10.2010).
10. **Леонтьев А. Н.** Проблемы развития психики. М.: Издательство МГУ, 1981. 584 с.
11. **Пиаже Ж.** Психология интеллекта. М.: Питер, 2003. 192 с.
12. **Труфанова Е. О.** Человек в лабиринте идентичностей [Электронный ресурс] // Вопросы философии. 2010. № 2. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=102&Itemid=52 (дата обращения: 19.04.2012).
13. **Фуко М.** Герменевтика субъекта: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981-1982 гг. / пер. с фр. А. Г. Погоняйло. СПб.: Наука, 2007. 677 с.
14. **Ядов В. А.** Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М.: Академкнига, 2003. 600 с.
15. **Lifton R. J.** The Protean Self: Human Resilience in an Age of Fragmentation. N. Y., 1993.

MODERN SOCIALIZATION STRATEGY AS SELF-DETERMINED HUMAN FORMATION

Olesya Vladimirovna Trufanova
Department of Philosophy
Novgorod State University named after Yaroslav the Wise
tru.ov88@mail.ru

The author conducts the study of modern socialization strategies taking into account the experience of native and foreign social-philosophical, sociological, psychological and anthropological thought development, pays particular attention to the philosophical model construction of anti-crisis socialization strategy carried out by the successive formation of an individual's social self-determination, and understands self-determination as the psychological mechanism for the internal regulation of identification processes, which, in turn, form different types of identities that create the images of "I" in the mind.

Key words and phrases: socialization strategy; psychic mechanisms of consciousness, self-consciousness, change of oneself; mechanism of self-determination; identification; identity; image and structure of "I"; selfhood; demanding "I", willing "I"; functional place; social-cultural environment; social space; social being.

УДК 12
Философские науки

В статье показаны в качестве социокультурных негаций проявления нигилизма и цинизма, которые пронизали повседневное бытие современного общества, приобретая при этом векторальные качества, тем самым определяя направление развития человеческого поведения. Негациям свойственно провозглашение свободы от морали, вседозволенности в действиях, что ведет к абсурду, состоянию «ничто». Негации способствуют разрушению и саморазрушению человека, активному и массовому проявлению его поведенческих отклонений. Нигилизм и цинизм при отсутствии морали – это признаки поражения человека перед самим собой.

Ключевые слова и фразы: моральные ориентиры; векторное поле; социокультурные негации; абсурд; нигилизм; ничто; цинизм; поведенческие отклонения.

Любовь Дорофеевна Унарова, к. пед. н., доцент
Кафедра социально-гуманитарных дисциплин
Высшая школа музыки (институт) Республики Саха (Якутия)
unarova@mail.ru

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ НЕГАЦИИ КАК ВЕКТОРНОЕ ПОЛЕ ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА©

Поведение и взгляды человека в значительной степени формируются под воздействием социокультурных факторов, в том числе негативных. В настоящее время утрачены такие кодексы и правила, которым

© Унарова Л. Д., 2012

можно подчиняться, которые можно выбрать в качестве устойчивых моральных ориентиров, которыми можно хоть как-то руководствоваться в жизни. Все настойчивей негативные социокультурные факторы воздействия на поведение человека проявляют себя в социуме. Эти проявления означают качественный переход от единичных, случайных, охватывающих определенную субкультуру негаций к их массовому распространению, когда они становятся определяющей силой направления дальнейшего развития. Это означает, что социокультурные негации (а мы понимаем под ними, в первую очередь, нигилизм и цинизм) приобрели значение социального векторного поля, которое испещрено внеморальными величинами, имеющими силу и направление. «Это означает, что теперь мы переходим из эры заранее заданных “референтных групп” в эпоху “универсального сравнивания”, в которой цель усилий человека по строительству своей жизни безнадежно неопределенна, не задана заранее и может подвергаться многочисленным и глубоким изменениям прежде, чем эти усилия достигнут своего подлинного завершения: то есть завершения жизни человека» [3, с. 13].

Моральные ориентиры сегодня, по З. Бауману, становятся амбивалентными и крайне противоречивыми, отличаются своей неустойчивостью и перестают быть универсальными. Но при этом он утверждает, что мораль не исчезает вообще, она ограничивается узкими рамками межличностного взаимодействия [4, с. 179].

Вот такое наше время Т. В. Адорно облекает в формулу: «нет пастуха, одно лишь стадо» [1, с. 199]. От господства этого «стада» без пастыря, этого общества без моральных авторитетов нет никакой защиты, потому каждому человеку приходится осуществлять выбор морали и упражняться в этом выборе. Однако, продолжает Адорно, «мы можем не знать, что такое абсолютное благо, что такое абсолютная норма, мы можем даже не знать, что такое человек, человеческое или гуманность, но что такое нечеловеческое, мы знаем слишком хорошо. Поэтому я склонен говорить о том, что место философии морали сегодня определяется скорее конкретным отрицанием всего нечеловеческого, нежели попытками логически абстрактного определения человеческого бытия» [Там же, с. 201].

В таком случае, первоисточник зла, который таится в человеке, накапливается, неустанно пульсирует в нем, заключается в невыносимости человека для самого себя и в обращении ее вовне. И что вовне? Террор нигилизма и полной свободы, социальная «пустыня» и жизнь в условиях абсурда.

Разочарование в мире, очевидность абсурда ведут человека к одному исходу, к пределу. Человек живет только в настоящем, в будущем будут жить последующие поколения. Надо жить сегодня. А если нет сил и желания жить? Самоубийство – свидетельство того, что человек абсурда исчерпал себя. Самоубийство – это пик нигилизма и отчуждения. Но человек не должен смиряться, он должен жить, вести борьбу за себя.

Состояние такого человека можно представить как состояние разлада, утраты жизненного смысла, отчуждения, исключения, абсурда. Экзистенциалисты А. Камю, Ж. П. Сартр, М. Хайдеггер говорят в подобных случаях об абсурде в качестве характеристики человеческого существования в состоянии утраты смысла, связанной с отчуждением личности не только от общества, от истории, но и от себя самой, от своих общественных определений и функций. Человек, внешне вписываясь в окружающую действительность, на самом деле ведет в ней неподлинное существование; абсурд становится индексом разлада человеческого существования с бытием, обозначением разрыва, именуемого экзистенциалистами «пограничной ситуацией» [8, с. 15]. Человек переживает этот разлад остро в сопровождении чувства одиночества, тревоги, тоски, страха не только за себя, но и за свою семью, своих детей.

По признанию М. К. Мамардашвили, «в культуре всегда были такие места, которые остаются как бы пустыми, не заполненными ни усилиями самоустройства личности, ни идеей (или принципом, или мироотношением). И именно в них рождаются зло и нигилизм. Принцип культуры есть принцип “я могу”. Могу иметь нравственность. Я причинно задан. Задан обстоятельствами. <…> Исходная точка нигилизма – не-я-могу, может Бог (или вообще кто-то другой, или что-то другое). Но все это потом не осуществляется, и выходит, что “никто не может”. Отсюда – критика, разоблачение. “Все дрянь: я – дрянь, все вы – дрянь, никто ничего не может”» [11, с. 37]. Получается, что нигилизмом человек пытается прикрыть собственное поражение, он отрицает возможности «я-могу», обвиняя всех вокруг, в том числе и Бога, таким образом, отдаваясь во власть обстоятельств, отказывается от принципов высокой нравственности и духовного напряжения. Однако, с другой стороны, надо понять, почему человек терпит поражение. Возможно, от бессилия и беспомощности перед обстоятельствами жизни, которые оказываются могущественнее. От нехватки или отсутствия ресурсов. От неверного решения. От того, что он – один, без поддержки, соучастия других.

Нигилизм – мироощущение, поведенческий принцип, фундированный акцентированным отрицанием тех или иных социокультурных оснований. В качестве философского термина нигилизм был использован впервые Ф. Г. Якоби в послании к И. Г. Фихте (1799 г.) [10]. Как нам известно, слово «нигилизм» приобретает широкую известность после романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» (1862 г.).

В. Краус, надо признать, не оригинален в определении данного мироотношения, которое сводится к следующему: «Нигилизм – это отрицание в чрезвычайной степени: он отрицает существующие ценности, не зная никаких иных» [Там же, с. 9]. А это уже позиция человека, который отрицает наличный мир, но при этом не могущего, не способного и даже не пытающегося представить себе никакой возможности его улучшить и потому переживающего фазу разрушения или саморазрушения.

От В. Крауса мы узнаем историю понятия «нигилизм», основанного на латинском слове «nihil» («ничто»), этимологически восходящем к слову «nihilum», то есть «ни единой малости, ни волоска». Людей, не верящих «ни во что», назвали нигилистами («nihilisti»); позже словом «nihilianista» обозначали еретиков, людей, не верующих «ни во что» или верующих «ложно» [Там же, с. 20].

Им выделено несколько пар наиболее характерных противоположных нигилистических позиций человека, из которых мы выбрали последнюю пару – догматический нигилизм, с одной стороны, и дионисийский нигилизм – с другой. Первый из них, догматический нигилизм, умерщвляет некогда живые идеи, ценности, целеустановки, идеалы человека. Противопоставляется ему дионисийский нигилизм с экстатической, необузданной, хаотичной эмоциональностью. Дополняется такой нигилизм поисками человеком забвения в излишествах алкоголизма, половой вседозволенности, которые становятся выражением тотальной безучастности [Там же, с. 11-14]. Отсюда следует, что все известные и изученные разными исследователями формы поведенческих отклонений суть есть нигилизм. По признанию В. Крауса, самый опасный нигилист – это тот, кто не знает, что он нигилист [10]. Тогда мы, люди в большинстве своем, есть нигилисты, и мы – самый опасный вид на Земле.

Нигилизм отрицает Бога, духовную душу, нормы и высшие ценности. С ним сегодня произошла мутация. Он, подобно массовой эпидемии, затронул психическую конституцию большого числа людей, стал частью природы человека, частью его личности. Его можно называть патолого-деструктивным нигилизмом. Причина «накожной сыпи» [17] (так Г. де Тард называет поведенческие отклонения) в глубине социального тела – это неврозы, тревожности, депрессии, одиночество, пессимизм. Систематический кризис общества проявляется в общей невротизации, то есть повышении личностной тревожности россиян, отражающейся в их сознании переживаниями многочисленных страхов.

Свой вклад в философию нигилизма внесли А. Шопенгауэр – с его отрицанием воли к жизни [20], М. Штирнер – с отрицанием государства, авторитетов, ценностей, идеалов, с признанием только «единственного» [21]. А Ф. Ницше вкладывает в работу «Воля к власти» вопрос о будущем – «придет, что не может не прийти: *наступление нигилизма*» – самого жуткого из всех гостей. «Что означает нигилизм? *Что высшие ценности теряют свою ценность*. Нет цели. Кругом пессимизм, тщетность, неуверенность, разочарование, отсутствие возможностей, обман – *ничего* не достигается, *ничего* не обретается. Нет ответа на вопрос: “Зачем?”, весь *идеализм* прежнего человечества готов обернуться *нигилизмом* – верой в абсолютное отсутствие *ценностей*, то есть в отсутствие *смысла*» [12, с. 31-34]. Получается, что нет больше смысла, нет ничего, во имя чего следует жить и к чему хотелось бы стремиться, нет ценностей, на которые следует равняться, и сама жизнь – это ничто.

В памфлете «Генеалогия морали» он пишет: «…в этом-то и заключается опасность Европы – вместе со страхом перед человеком мы утратили и любовь, уважение к нему, надежду на него, даже желание его. Вид человека утомляет – что же иное современный нигилизм, если не это?.. Нам надоел человек…» [13, с. 31]. Так Ф. Ницше теряет надоевшего человека, который пока еще находится между, а не вне, не по ту сторону добра и зла, где обитает нигилист, ибо есть два пути: путь добра и путь зла, путь же по ту сторону добра и зла – это путь в никуда, в ничто, уход в нигилизм.

Н. А. Бердяев представляет нигилизм как «требование оголения, совлечения с себя всех культурных покровов, превращение в ничто всех исторических традиций, эмансипацию натурального человека, на которого не будет более налагаться никаких оков» [5, с. 280-281]. Но ведь свобода от всего может выйти за рамки оптимального состояния – это крайности эмансипации, потеря родственных контактов между людьми, одиночество человека в толпе, потеря смысла жизни, поиски радости в искусственных способах удовлетворения, которые в совокупности могут привести в конце концов к ярости людей против людей – «к войне всех против всех».

Есть при этом другое базовое положение, как бы противоречащее только что изложенному выше: человек не может быть то господином, то рабом – он полностью и всегда свободен или его нет. Свобода совпадает в своей основе с «ничто», которое находится в сердцевине человека. «Свобода – как раз то ничто, которое содержится в сердце человека и которое вынуждает человеческую реальность делать себя, вместо того, чтобы быть» [14, с. 452]. Свобода есть бытие человека, то есть его ничто бытия. Эти мысли принадлежат Ж. П. Сартру, но под его «ничто» мы поначалу не находим пессимистического или патолого-деструктивного нигилизма. «Быть свободным – это значит *быть-свободным-чтобы-действовать*, а это есть *свободное-бытие-в-мире*» [Там же]. Данный посыл свидетельствует о человеке, свободно проектирующем себя, готовом действовать в мире, признавать свое авторство во всех поведенческих траекториях. Но нам не дает покоя сартровская фраза: «Ничто не есть, оно ничтожит себя» [Там же, с. 55]. Мы чувствуем в ней такой нигилистический флер! Остается подозревать онтологическую базу в содержании «ничто» – сознании (бытие-для-себя), которое следует понимать как пустоту, отрицание, противопоставление случайности. И нас настораживает интеллектуально-онтологический поворот мысли Сартра: «Ничто есть сама человеческая реальность как радикальное отрицание, посредством которого открывается мир. И, конечно, только восприятие мира как целостности выявляет на стороне мира ничто, которое поддерживает и оформляет эту целостность. Как раз это самое ничто определяет целостность как таковую в качестве абсолютного ничто, остающегося вне целостности... Но это ничто является не чем иным, как человеческой реальностью, постигшей себя в качестве исключенной из бытия и постоянно пребывающей по ту сторону бытия вместе с ничто» [Там же, с. 209]. В этом повороте есть шлагбаум «ничто», который открывает мир современной человеческой реальности. Сегодняшний человек стремится к почти абсолютной свободе, которая, с одной стороны, есть недосягаемое, а с другой стороны, раскрывает его внутреннюю энергию, которая может быть созидательной или разрушительной. Однако все меньше высвобождается позитивной энергии, а разрушительной – все больше. Нет корреляций между такой свободой и нравственностью.

Таким образом, поведенческие отклонения все больше связываются не с определенной группой людей, а с повседневной психологией и практикой нигилизма миллионов людей из различных страт общества, что, представляется нам, и есть векторное поле, на котором произрастают эти отклонения.

Что касается нас, россиян, может быть, и прав Н. А. Бердяев в том, что «в русском человеке легко обнаруживается нигилист. Все его бытие протекало в крайних противоположностях… У русских всегда есть жажда иной жизни, иного мира, всегда есть недовольство тем, что есть» [6, с. 217].

От нигилизма недалеко до цинизма, который весьма успешно проявляет себя сегодня в социуме. Циничное поведение – одна из самых соблазнительных и самых разрушительных форм нигилизма.

В нашем культурно-поведенческом пласте запечатлен не только позитивный, но и негативный опыт прошлого, по-разному высвечиваются разные его элементы. Порой неожиданным образом усваиваются не лучшие, объективно ценные, а девиантные продукты социокультурного развития, отходы духовного производства, что подтверждается фактом сублимированного перерождения такого некогда протестного явления, как кинизм. От принципиально критической позиции киников по отношению ко всем институтам, морали и нравам современной им рабовладельческой действительности совершен переход к новейшему цинизму как явлению социально-этическому и психологическому, широко распространенному в социуме. Подобная позиция, если принимать ее всерьез и последовательно проводить ее в жизнь, заставляет напрочь отказаться от моральных норм, регулирующих отношения людей. Кстати, Ф. Ницше, предвосхищая сегодняшнее и будущее, предупреждал о том, что цинизм «станет всемирно-историческим» [12, с. 572].

Примат дурной «естественности», антикультурнический образ жизни, идеализация первобытности на уровне поведения приводят к пренебрежению разумными условностями и приличиями, возводят в добродетель пошлое «бесстыдство» (anaideia). Для киников характерно намеренное оскорбление пристойности: Диоген мочился как собака или обыкновенно делал на виду у всех все, что связано с Деметрой и Афродитой. Часто занимаясь онанизмом на виду у всех, он приговаривал: «О, если бы, потирая брюхо, можно было бы утолить и голод» [2, с. 74-75]. Диоген не желает и не может примириться с заранее заданной программой стыда. Он считает, что правила о том, что считать постыдным, могут быть неистинными и навязанными, только их перепроверка может создать надежную основу [2]. Люди, в диогеновском контексте, стыдятся не того, чего следует стыдиться: они стыдятся своего физического; но при этом совершенно не стыдятся (а мы в абсолютной степени солидарны с отцом кинизма в данной его позиции) неразумной жизни, страсти к наживе, несправедливости, жестокости, зазнайства, предвзятости и внутренней слепоты.

Стыд – это главный фактор, порождающий социальный конформизм и препятствующий бесстыдству, то место, где разнообразное внешнее управление человеком переходит во внутренний самоконтроль. По мнению Ж. П. Сартра, «стыд есть интимнейшая социальная цепь, приковывающая нас – еще до всех конкретных правил, которым следует совесть, – к общему стандарту поведения» [14, с. 264]. В своем генезисе, стало быть, по Сартру, стыд первичнее совести, более того, он является истоком совести индивида, ведущей к самоконтролю, формулированию для себя нравственных обязанностей, требованию от себя их выполнения, собственной оценки самого себя и своих поступков. А вот уже сформировавшаяся совесть – это есть проявление нравственного самосознания человека, которое имеет особенность выражаться во внутренних эмоциональных переживаниях.

И Сартр поразительным образом нанизывает, как звенья одной цепи, следующие принципы проявления стыда в поведении человека. 1. «Я стыжусь того, чем я *являюсь*. 2. Стыд в своей первичной структуре есть стыд *перед кем-то*. 3. Я стыжусь, *каким я являюсь* другому. 4. Стыд по природе является признанием. Я признаю, что я являюсь таким, каким другой видит меня» [Там же, с. 246].

Данная цепь завершается достаточно сложным по составу образованием: «Речь тем не менее не идет о сравнении того, чем я являюсь для себя, с тем, чем являюсь для другого, как если бы я находил в себе, по способу бытия Для-себя, эквивалент того, чем я являюсь для другого... стыд является непосредственным содроганием, которое меня охватило с головы до пят без всякой дискурсивной подготовки» [Там же, с. 247].

Индивид, носитель стыда, сам трактует свое поведение и придает значение своему опыту. Обладая самосознанием, сартровский «стыдящийся» человек в бытии-для-себя свободен и одновременно с этим тотально ответственен за себя в плане того, «*каким я являюсь* другому». Значит, стыд проявляется только перед другим: «Вульгарным не бывают в полном одиночестве. Стыд есть *мой* стыд *перед другим*» [Там же].

Бесстыдное поведение перед другими, без сомнения, сотворяет свое разрушительное воздействие. Утверждение киниками своеобразной приверженности к прямоте, неприкрытой грубой правде, неограниченной свободе слова и действий, шокированию публики, эпатажу, присвоение себе права свободного изощренного поведения расценивалось ими как должное.

В современных толковых, нормативных, энциклопедических словарях цинизм толкуется как откровенное пренебрежение к нравственным, этическим нормам поведения личности; как откровенность, доведенная до бесстыдства. В «Большом толковом словаре русского языка» цинизм определяется как «грубая откровенность, бесстыдство, пренебрежительное отношение к нормам нравственности, благопристойности, к чему-либо, пользующемуся всеобщим признанием, уважением» [7, с. 1463]. В «Словаре иностранных слов» цинизм – бесстыдство, наглость, грубая откровенность, вызывающе презрительное отношение к общепринятым нормам нравственности и людям [15, с. 569]. В «Философском энциклопедическом словаре» цинизм – это нигилистическое отношение к достоянию общечеловеческой культуры, особенно к морали, идее достоинства человека, иногда – к официальным догмам господствующей идеологии, выраженное в форме издевательского глумления. Цинизм в поведении и убеждениях характерен для людей, стремящихся достигнуть своих эгоистических целей любыми средствами. В социальном плане цинизм имеет двоякий источник: 1) цинизм власти в своекорыстных целях откровенно аморальными методами (фашизм, культ насилия и т.д.);

2) бунтарские настроения и действия социальных слоев, групп, индивидов, не видящих выхода из своего положения и повергнутых в состояние духовной опустошенности [18, с. 766].

Современный циник предстает как массовый персонаж театра жизни, как типичный социальный характер в обществе. Современный циник – это интегрированный в общество антиобщественный тип. «Его злобно ясный взгляд не представляется ему самому личным недостатком или аморальной причудой… Диффузный цинизм уже давно захватил ключевые позиции в обществе… Циники сознают, что делают, но тем не менее делают это, поскольку действовать так им подсказывает положение вещей и инстинкт самосохранения на ближайшую перспективу – они говорят на одном и том же языке: “Приходится, ничего не попишешь”» [16, с. 32-33]. Новый интегрированный цинизм ощущает себя жертвой и чувствует, что приносит жертвы.

П. Слотердайк выводит такую дефиницию: цинизм – это просвещенное ложное сознание. Отчего и почему? Автор объясняет его тем, что «знать лучшее и делать худшее в пику ему – таково глобальное отношение, существующее сегодня в надстройке; тот, кто действует подобным образом, чувствует себя свободным от всяких иллюзий» [Там же, с. 34]. Новый цинизм существует как фундаментальная установка личности.

С. Л. Франку мы приписываем своеобразную трактовку цинизма: «Почему вообще я, живущий в мире один только раз, полный ненасытимой жажды жизни и самообнаружения, должен жертвовать собой чему-то или кому-то, ограничивать и стеснять себя? Почему я *должен* быть добрым, *должен* любить людей, если я их ненавижу, почему и во имя чего я *должен* ломать и переделывать самого себя, быть не тем, что я есть на самом деле? И, наконец, если бы я даже пытался в угоду так называемых нравственных идеалов ломать себя, то я бы в действительности не сумел этого сделать: я не могу *быть* добродетельным и строго принципиальным человеком, если я на самом деле рожден грешным, страстным, раздираемым противоречивыми желаниями, мятущимся существом; я могу разве только *казаться* добродетельным. Так неужели же в этом – задача морали? Или, может быть, так дело и обстоит, и все люди хотят только казаться добродетельными и поглубже прятать от суда морали свою подлинную живую природу, свое внутреннее необузданно-свободное существо?» [19, с. 149]. На наш взгляд, именно так может быть построен внутренний монолог циника – чистосердечно и откровенно. Внешне цинизм – это ложь, софистически выдающая себя за правду и используемая в корыстных и эгоистических целях. Ложь, возведенная в ранг обыденности, ею проникнута логосфера масс-медиа, пропитаны политика, экономика, система управления.

Мы вновь процитируем П. Слотердайка: «…с диффузией цинизма, превратившегося в коллективный менталитет… терпят крах прежние моральные основания… критики уже давно слились воедино с критикуемыми, и всякая дистанция между ними, которая могла бы обеспечиваться благодаря морали, была утрачена из-за всеобщего расслоения и сползания в не-мораль, полумораль и мораль “выбора меньшего зла”» [16, с. 158].

Масштабы расслоения российского общества велики и циничны. Мы и в самом деле оказались в сумеречном свете, в котором порой не видны жизненные ориентиры. День завтрашний видится в двойственном положении: с одной стороны, не сулит ничего особенного, с другой – все может обернуться трагедией, катастрофой, а между ними есть маленький зазор, что все обойдется, образуется, отсюда следуют цинизмы-афоризмы – «лови момент», «живи здесь и сейчас», «да мне наплевать», «страна не обеднеет», «на наш век хватит», «после нас хоть потоп». Чем более безальтернативным кажется современное общество, тем больше цинизма оно себе позволяет (в отсутствие эффективной моральной альтернативы).

Времена, в которые нам живется, П. Слотердайк определяет как «ощущение присутствия и отсутствия одновременно», ощущение «down to earth» или «far out» – «падение до предела» или «оторванность от жизни». Смешение всего этого и есть наше моральное *status quo* [16].

Исходя из вышеизложенного материала по негациям, подчеркнем, что проявление нигилизма и цинизма в социокультуре заключается в низвержении вечных истин и ценностей, отрицании различий между правдой и ложью, добром и злом.

Там, где распространяются нигилизм и цинизм, не ценится ни искренность, ни человечность, ни святость. И где-то в глубине социального тела зреющие напряжение, недовольство, агрессия, конфликты, порожденные ресентиментом масс, их депрессией, униженностью, обидами, озлобленностью и бессилием, проявляются как социокультурные негации. Следует помнить об этом и искать пути нейтрализации.

Выход видится в осуществлении релевантных совместных действий людей по установлению справедливого долженствующего-быть мира, вполне достижимого по причине того, что человек – единственный моральный субъект в этом мире, а потому он обладает ответственностью; он – уникальное существо, способное к свободному сознательному действию, а потому может сопротивляться негативному и постепенно изменить окружающий мир.

Список литературы

1. **Адорно Т. В.** Проблемы философии морали / пер. с нем. М. Л. Хорькова. М.: Республика, 2000. 239 с.
2. **Антология кинизма: философия неприятия и протеста** / прим. и коммент. И. Нахова. М.: ТЕРРА, 1996. 432 с.
3. **Ахиезер А. С.** Россия: критика исторического опыта: социокультурная динамика России. Изд-е 2-е, перераб. и доп. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. Т. 1. От прошлого к будущему. 805 с.
4. **Бауман З.** Текучая современность / пер. с англ. С. А. Комарова; под ред. Ю. В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
5. **Бердяев Н. А.** Истоки и смысл русского коммунизма. М.: ЗАО «Сварог и К», 1997. 413 с.
6. **Бердяев Н. А.** Русская идея: основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. М.: Наука, 1990. С. 43-271.

7. **Большой толковый словарь русского языка** / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
8. **Буренина О. Д.** Символистский абсурд и его традиции в русской литературе и культуре первой половины 20 века. СПб.: Алетейя, 2005. 332 с.
9. **Кравченко С. А.** Социологический постмодернизм: теоретические источники, концепции, словарь терминов: монография. М.: МГИМО (ун-т) МИД РФ, 2010. 397 с.
10. **Краус В.** Нигилизм и идеалы: нигилизм сегодня, или Долготерпение истории / пер. с нем. А. Карельского, Е. Кацевой, Э. Венгеровой. М.: Радуга, 1994. 256 с.
11. **Мамардашвили М. К.** Как я понимаю философию / сост. Ю. П. Сенокосов. Изд-е 2-е, изм. и доп. М.: Прогресс; Культура, 1992. 415 с.
12. **Ницше Ф.** Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей / пер. с нем. Е. Герцык и др. М.: Культ. революция, 2005. 880 с.
13. **Ницше Ф.** Генеалогия морали // Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. М.: Сирин, 1990. Кн. 2. С. 3-149.
14. **Сартр Ж. П.** Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии / пер. с фр., предисл. В. И. Колядко. М.: Республика, 2000. 639 с.
15. **Словарь иностранных слов.** М.: Русский язык, 1981. 622 с.
16. **Слотердайк П.** Критика цинического разума / пер. с нем. А. Перцева. Екатеринбург – М.: У-Фактория; АСТ Москва, 2009. 800 с.
17. **Тард Г. де.** Преступник и преступление. Сравнительная преступность. Преступления толпы / сост. и предисл. В. С. Овчинского. М.: ИНФРА-М, 2009. VIII+391 с.
18. **Философский энциклопедический словарь.** М.: СЭ, 1983. 840 с.
19. **Франк С. Л.** Крушение кумиров // Франк С. Л. Сочинения. М.: Правда, 1990. С. 144-161.
20. **Шопенгауэр А.** Свобода воли и нравственность / общ. ред. А. А. Гусейнова, А. П. Скрипника. М.: Республика, 1992. 430 с.
21. **Штирнер М.** Единственный и его собственность. Харьков: Основа, 1994. 560 с.

SOCIAL-CULTURAL NEGATIONS AS VECTOR FIELD OF HUMAN BEHAVIOUR

Lyubov' Dorofeevna Unarova, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor
Department of Social-Classical Disciplines
Higher School of Music (Institute) of the Republic of Sakha (Yakutia)
unarova@mail.ru

The author shows nihilism and cynicism manifestations as social-cultural negations that pervade the daily existence of modern society, acquire vector qualities, and thus determine human behaviour direction. The proclamation of freedom from morality, permissiveness in actions are typical of negation that leads to absurd, the state of “nothing”. Negations contribute to the destruction and self-destruction of man, the active and mass manifestation of his behavioural deviations. Nihilism and cynicism in the absence of morality are signs of man defeat before himself.

Key words and phrases: moral guidelines; vector field; social-cultural negations; absurd; nihilism; nothing; cynicism; behavioural deviations.

УДК 316.34
Социологические науки

В статье рассматривается значение социальной ответственности как категории, связывающей специфичные для социотипического обобщения интеллектуала в отечественных и западных исследованиях характеристики «индивидуальности» и «социальной активности». Социальная ответственность определяется автором в качестве важнейшего условия исторической и социальной идентичности европейских интеллектуалов.

Ключевые слова и фразы: социальная ответственность; интеллектуалы; социотип; выбор; самоопределение.

Денис Евгеньевич Фирсов, к. филос. н., доцент
Кафедра истории и философии
Ярославская государственная медицинская академия
den_firsov@rambler.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК УСЛОВИЕ СОЦИАЛЬНОЙ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЕВРОПЕЙСКИХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ©

Социотипическое обобщение интеллектуала в европейской исследовательской традиции основывается на определении интеллектуалов как исторически обусловленной социальной общности. Структуру формируемого на основании социотипа интеллектуала социального паттерна европейского интеллектуализма

© Фирсов Д. Е., 2012